

ОБРАЗ БИЙСКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Богумил Т. А.

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению образа Бийска в художественной прозе русских писателей. Методология исследования опирается на труды о городских текстах представителей тартуско-московской школы, а также приверженцев геокультурного и геопозитического подхода. История города Бийска в общих чертах повторяет историю первых городов Сибири. Изначально это крепость, фиксирующая сдвиг границ русских территорий на Восток (с 1709 г.). После 1846 г. город перестает быть военно-административным центром и становится местом политической ссылки. Одновременно он превращается в торгово-промышленный провинциальный город, стоящий на стратегически важном торговом пути (Чуйский тракт). Анализ художественных текстов позволил выявить и описать реестр образов города: военный острог, узилище, город грязи, антитеза деревне, ад-рай, город-медиатор. Единого «ядра», помимо объекта описания, объединяющего весь этот, довольно малый по количеству, корпус текстов, не обнаружено. Хотя намечены зоны пересечения семантических сфер. Военный острог и город грязи эквиваленты как пространство битвы антагонистических сил. В сниженном варианте эта антитеза становится оппозицией города и деревни. Острог, будучи точечным воплощением границы, способен как перекрывать контакты, так и обеспечивать их. Большинство выявленных произведений про Бийск принадлежит к жанрам, тесно связанным с внехудожественной действительностью, что свидетельствует о близости литературного образа Бийска с реальным городом. Говорить о наличии бийского текста в том значении, которое проявил в петербургском тексте В. Н. Топоров, не представляется возможным. Частные семантические параметры города опосредованы парадигмами территориальных сверткестов: сибирского и провинциального. Кроме того, базовые структурно-семиотические параметры города совпадают с моделью любого города «экстерриториального» (Ю. М. Лотман) типа. Индивидуальное наполнение инвариантной схемы происходит за счет географической, исторической, мифологической и пр. конкретики Бийска.

Ключевые слова: образ города; литература Алтая; сибирский текст; алтайский текст; провинциальный текст.

THE IMAGE OF BIYSK IN FICTION

Tatiana A. Bogumil

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Abstract. The article studies the image of Biysk in Russian works of fiction. The research methodology is based on works studying fiction texts about cities written by representatives of the Tartu-Moscow school and the geo-cultural and geo-poetical approaches. In general, the history of Biysk repeats the history of first Siberian cities. Initially, it was a fortress, fixing the shift of the borders of Russian territories to the East (since 1709). After 1846, the city ceased to be a military administrative center and became a place of political exile. At the same time, it turned into a commercial and industrial provincial city, lying on a strategically important trade route (Chuysky Tract). The analysis of fiction texts made it possible to identify and describe the main figurative models of the city: military prison, prison, city of mud, antithesis of the village, hell – paradise, and city-mediator. No single “core”, apart from the object of description, uniting this, rather small corpus of texts, has been found. Although zones of overlapping of semantic spheres have been outlined. A military jail and a mud city are equivalent as a battlefield of antagonistic forces. In a vulgarized form, this antithesis expresses the opposition between the city and the village. A fortress, being an embodiment of the border, is capable of both blocking contacts and ensuring them. Most of the works about Biysk belong to the genres that are closely related to extra-fiction reality, which indi-

cates the similarity between the fiction image of Biysk and the real city. It is not possible to speak of the presence of the Biysk text in the sense that V. N. Toporov used with reference to the Petersburg text. Occasional semantic parameters of the city are transformed by the paradigms of territorial supertexts: the Siberian and the provincial ones. In addition, the basic structural-semiotic parameters of the city coincide with the model of any city of the "extraterritorial" (Yu. M. Lotman) type. The individual content generation of the invariant scheme occurs due to the geographical, historical, mythological, etc. specificity of Biysk.

Key words: urban image; Altai literature; Siberian text; Altai text; Provincial text.

Для цитирования: Богумил, Т. А. Образ Бийска в художественной литературе / Т. А. Богумил. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 195–206. – DOI: 10.26170/FK20-03-17.

For citation: Bogumil, T. A. (2020). The Image of Biysk in Fiction. *In Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 195–206. DOI: 10.26170/FK20-03-17.

Литературный образ города, начиная с культурологических исследований Н. П. Анцифорова в 1920-е гг. и, в дальнейшем, трудов тартуских и московских семиотиков, неизменно оказывается востребованным в филологии и смежных гуманитарных дисциплинах. Предметом интереса настоящей статьи впервые выбран художественный образ Бийска, т. е. то, как реальное географическое место (Бийск) моделируется в художественном преломлении: в диалектике единичного и всеобщего, в триединстве «отображения, осмысления и оценки объективной действительности» [Гиршман 2008: 149]. Методология исследования базируется на синтезе культурно-семиотической и культурно-исторической стратегий изучения города¹, как они сложились в работах Вяч. Вс. Иванова, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, З. Г. Минц, Р. Д. Тименчика и др. Также учитывается опыт геокультурного (В. Г. Щукин, О. А. Лавренова, Д. Н. Замятин)² и геополитического (В. В. Абашев) подхода к исследованию пространственной образности.

Бийск многократно описан в документальных источниках: дневниках, воспоминаниях, письмах, географических справках, путевых заметках ученых и путешественников, посещавших город в XIX – начале XX вв. Согласно наблюдениям Д. С. Дегтярева, в подобной литературе образ города адекватно отражал меняющуюся реальность бийской жизни: пограничная крепость – купеческий городок – ворота в Европу для Монголии.

Негативные картины постепенно сменялись нейтральными и позитивными описаниями, «чему в немалой степени способствовало успешное социально-экономическое и культурное развитие Бийска» [Дегтярев 2017: 24].

Цель настоящей работы – обозначить и охарактеризовать реестр образов Бийска, исходя из анализа художественных произведений о городе. Заслуживает внимания то обстоятельство, что большинство обнаруженных произведений про Бийск принадлежат к литературным жанрам, тесно связанным с внехудожественной реальностью. Так, цикл В. Я. Шишкова «По Чуйскому тракту» (1914) относится к путевым очеркам, цикл В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» (1968) во многом автобиографический, роман А. М. Родионова «Князь-раб» (2006) является историческим, роман-притча Л. Е. Улицкой «Лестница Якова» (2015) основан на письмах из личного архива автора. Единого «ядра» – мифа, сюжета или языка, связывающего все эти тексты помимо объекта описания – города, нами не обнаружено. Тем самым говорить о наличии бийского текста в том структурно-историческом значении, которое проявил в петербургском тексте В. Н. Топоров, не представляется возможным. По-видимому, хотя «пресуществование материальной реальности в духовные ценности» [Топоров 1995: 259] состоялось, тем не менее, связь с реальным пространством остается слишком крепкой. Не случилось в русской литературе о Бийске

¹ О трех основных стратегиях изучения города в рамках тартуско-московской школы см.: [Пильщиков 2014].

² Обзор исследований в русле геокультурного подхода см. в: [Эртнер 2011].

яркого текста, который задал бы литературный канон. К тому же количество произведений о городе недостаточно велико, что не дает свершиться их преобразованию в качественно иное «целостное единство» [Топоров 1995: 261], диктующее автору, что писать. Уникальные семантические параметры города, как видится, на разных исторических этапах вписываются в парадигмы более крупных и системных образований, являются элементами сибирского и провинциального сверткестов.

Стройная линия преемственности исторических ролей и образов города Бийска при анализе художественных произведений начинает искривляться, превращаться в «сад расходящихся тропок» (Х.-Л. Борхес), в веерные возвращения к уже бывшему и сказанному. Линейное время закругляется, пространство мифологизируется. Указанные обстоятельства повлияли на логику демонстрации результатов исследования. В приоритете не хронологическая последовательность образов города от его возникновения до настоящего момента и не последовательность текстов по датам публикаций, а своего рода тезаурус образов города.

Военный острог. Подобно изначальным русским городам Сибири – Тюмени, Тобольску, Томску, Енисейску, Иркутску – Бийск вырастает из военного острога, а именуется по названию реки, на которой стоит. Бийская этиология связана с эпохой Петра I и этногенезом сибиряков. Так, Бронька Пупков, герой рассказа В. М. Шукшина «Миль пардон, мадам!» (1968), хвастает: «Откуда, мол! Вековые сибирские... Мы от казаков приходим, которые тут недалеко Бий-Катунск рубили, крепость. Это еще при царе Петре было. Оттуда мы и пошли, почесть вся деревня...» [Шукшин 2014, т. 3: 173]. Для семиотики любого города особо важными являются его имя, место, миф об основании или основателе. Как и у многих городов Урала и Сибири главным демиургом Бийска был Петр Великий¹. «Птенец гнезда Петрова» Матвей Гагарин, чьим непосредственным указом был основан острог, лишь воплощает царственную творящую волю, притом не вполне успешно. Подлинным создателем нового города и нового

этноса считается Петр I. Так, в сценарии документального фильма о Бийске «Наш город» (1967) осуществлена явная проекция на начало поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник»: «Здесь будет город заложен...» [Пушкин 1949: 375]. Кадроплан фильма следующий: «3. Указ Петра об основании „Бий-Катунска“. 4. Дикое место. Бия. „Вот здесь указал Петр...“» [Шукшин 1981: 73]. Симптоматично, что в 2010 г. в городе был установлен конный памятник Петру Великому, прозванный местными жителями «Сибирским Медным всадником».

В историческом романе А. М. Родионова «Князь-раб» про судьбу первого губернатора Сибири упоминание об основании города, с одной стороны, обеспечивает достоверность повествования. Петр I пеняет Гагарину, что калмыки спалили первый русский опорный пункт в Южной Сибири – Бикатунский острог (существовал с 1709 по 1710 гг.). С другой стороны, примечательна реплика государя: «И что за воеводы такие, у коих вчера был город, а ныне нет города! Ты вот в новую столицу приехал, а одного города не довез!» [Родионов 2006, т. 1: 15]. Приписывание реальным историческим лицам не подтвержденных документами высказываний, несомненно, выявляет авторскую концепцию. Бийск по своему положению на рубеже страны и политической функции (закрепление территориальных границ, пункт на стратегически важном военном и торговом маршруте) является своего рода проекцией Петербурга, его эквивалентом. Уничтожение острога знаково, может быть прочитано как начало воплощения эсхатологического пророчества петровских времен: «Петербургу быть пусту» [Топоров 1995: 262]. Гагарин мысленно сокрушается: «Так оно и будет во вся годы... <...> Так и будут шастать воры (калмыки – Т. Б.), пока эта прореха великая от Томи до Иртыша не будет зашита суровой ниткой. Ох! великая заплатка нужна на прореху! Бикатунь оказалась малой латкой, да и какой окажется еще одна...» [Родионов 2006, т. 1: 454]. Современный Бийск стоит на месте второй Бикатунской крепости, сооруженной в 1718 г. примерно на 20 км ниже по течению Оби от первой крепости. Но датой основания города считается воз-

¹ См., к примеру, историю основания Перми в: [Абашев 2000: 117–119].

никновение первого острога. Значит, Бийск рождается дважды¹, и оба раза он возникает как бы на месте пустоты, зияния. Энтропийные силы в периферийной Сибири, весьма отдаленной от нового центра России, гораздо могущественнее. Государству требуются дополнительные усилия, чтобы заполнить опасное Ничто.

Интересно, что в романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933) о Бийске времен коллективизации и начала индустриализации мыслится термином, возвращающим к основанию города: «Армии собственников отступали. Отряды победителей закладывали свои опорные крепости (разрядка моя. – Т. Б.) – фабрики зерна, масла, мяса» [Зазубрин 2012: 35]. Для мифопоэтического сознания писателя характерна циклическая модель времени, повторяемость событий на новом витке истории: «Медведей, маралов и козлов вытесняли алтайцы, алтайцев – русские, русских старожилы – новоселы» [Зазубрин 2012: 47]. Вот и теперь крестьян-собственников насильственно объединяют в коллективные хозяйства с целью обеспечения роста промышленности. Инвариантное событие мировой истории – выдавливание слабого более могучим – жидется на постулате социал-дарвинизма: «Выживает сильнейший». Отмечая кольцевую композицию романа, А. И. Куляпин интерпретирует ее как проявление писательской концепции деградирующего мира: «История вступает в очередной цикл, но новый каждый виток приближает мир к его окончательной гибели» [Куляпин 2019b: 114].

Индивидуально-авторская круговая модель исторического времени в связи с локусом Бийска находит подкрепление в локальной мифологии. Район слияния Бии и Катунь имел не только важное военно-торговое значение, но и сакральную ценность для всех обитавших здесь когда-либо народов. В различных древних культурах место образования большой реки из двух других крупных рек почиталось священным. Возле таких мест

ставили святилища, со временем вокруг них появлялись поселения. Многие сибирские города (Тобольск, Томск, Искер, Кузнецк, Абакан) возникли у слияния рек на месте архаичных религиозных пунктов. Существует мнение, что в зоне образования р. Обь стоял легендарный идол Золотой Бабы² [Кадиков 1993: 11]. По мнению С. Ю. Исупова, русский острог, поставленный в районе древнего капища, как бы знаменовал победу пришельцев над местными духами. Старинные кержацкие предания утверждали, что именно здесь в конце мира произойдет решающая битва между силами зла и добра [Исупов 2009: 28].

Итак, Бийск местом (в устье реки, на границе лесостепного и горного Алтая) и историей своего возникновения связан с сюжетом борьбы антагонистических сил (русских и степняков, наполненности и пустоты, порядка и хаоса, Запада и Востока, т. д.).

Город грязи. «Город Бийск прежде всего город грязи», – эффектно начинает свои очерки (1885–1886 гг.) Е. П. Клевакин, помощник бийского окружного полицейского исправника. Город «расположен на ровной местности, грунтом которой было прежде русло реки, а потом образовалось болото», – поясняет очеркист [цит. по: Старцев 1994: 116]. В документальной прозе этого исторического периода грязь – главная доминанта города [Дегтярев 2017: 25]. Ситуация мало изменилась к началу XX в. В очерках «По Чуйскому тракту» (1914) В. Я. Шишков негодует: «Что за бийские улицы, что за отвратительная, невообразимая грязь. <...> Улицы – сплошная топь, вонь, мерзость, азиатчина. Дороги мостят щепой, навозом, дохлыми костями, опорками, пимами» [Шишков 1986: 142]. Впрочем, грязь – одна из базовых черт образа любого провинциального городка³.

Реалистичные картины провинциального убожества приобретают мифопоэтические коннотации в романе В. Я. Зазубрина «Горы» о Сибири 1930-х гг. Грязь в его трактовке есть проявление природного хаоса, конфликтного человеческого порядку: «Царь тут сковал

¹ В названии города невольно прочитывается семантика двойственности: «би» = «дважды». Естественно, этот смысл не имеет отношения к достоверной этимологии слова.

² Загадка месторасположения Золотой Бабы многократно становилась предметом беллетристики об Урале и Сибири [Мароши 2007].

³ См., например, описание типичных провинциальных городов Восьегонска [Лурье 2001: 132], Ельца [Кривонос 2007: 122].

столько людей. Природа – дикая и своевольная была свободна. <...> Стихия, враждебная человеку, наступала на улицу пылью, грязью, лезла травяной зеленью между камнями редких мостовых, грибной ржавчиной разъедала стены, осыпала штукатурку. <...> Особенно остро Безуглый почувствовал ее необузданную силу в Бийске, когда возвращался от ямщика в гостиницу. <...> Дорога под ногами опасно прогибалась. Он с опаской смотрел на редкие высокие дома. Ему казалось, что под ними также зыблется почва и что они каждую минуту могут исчезнуть в колыхающейся утробе земли. <...> Он понял, что слушает шумы вечного движения мира, его непрерывных превращений» [Зазубрин 2012: 108–109]. Таким образом, главная битва, которая происходит в бийском локусе, – это сражение Цивилизации и Природы. Данная универсальная для любого города конфликтная ситуация время от времени разрешается катаклизмами (наводнение, пожар, землетрясение и пр.).

В Бийске ток мировой энергии наиболее ощутим. Как и все города «эксцентрического» типа, Бийск, расположенный «на краю» и на перекрестке (рядом с устьем реки), описывается при помощи антитезы «естественное / искусственное» [Лотман 2000: 321]. Вечная борьба стихии и культуры может истолковываться в русле «победы разума над стихиями» или «извращенности естественного порядка» [Лотман 2000: 321]. Для Зазубрина более приемлем первый вариант. Писатель использует типичную советскую метафорику тех лет: революция-стихия (1920-е гг.), «преодоление стихии и стихийности» (1930-е гг.) [Куляпин 2019b: 107]. Более того, подобный сюжет взаимоотношений Хаоса и Космоса усматривается в символическом пространстве всей Сибири. Анализ географической составляющей русской поэзии XVIII – начала XX вв. показал, что «Сибирь попадает в категорию Хаоса», однако «Хаос постепенно организуется к началу XX века» [Лавренова 1998: 80]. Как видим, индивидуально-авторская мифология Бийска строится по лекалам любого города, шире, любого пространства, находящегося на границе «своего» и «чужого», в процессе освоения «чужого» «своим».

Таким образом, грязь – одна из констант Бийска конца XIX – начала XX вв., может быть

маркером провинциального захолустья внутри оппозиции «столица – провинция» (В. Я. Шишков), а может и подвергаться мифологизации в системе отношений «Природа – Цивилизация», «Хаос – Космос» (В. Я. Зазубрин).

Город-узилище. Слово «острог», как известно, означает не только определенный тип укрепления, но и тюремное сооружение. А. М. Родионов описывает процесс строительства Белоярского острога (будущий г. Новоалтайск), поставленного в 1717 г., за год до второго Бикатунского. Обе крепости позднее вошли в состав старой Кольвано-Кузнецкой оборонительной линии (1741–1768). Полагаем, что семантика обеих острогов типологически сходна. Крепость строят крестьяне, насильственно согнанные для работы. Возводимое подневольными людьми строение, призванное оберегать его жителей от нападений кочевников, ощущается персонажами как гибельный локус: «Площадка крепостная на всхолмье как будто пустилась в глубь возвышения, стены вдавливали человека в землю не только своей тяжестью, сколько их грузным видом. Через неделю другую из-за стены не стало видно и окрестных сосен. Тогда Степан и Михаила молча переглядывались, и каждый понял товарища – сами себя в узилище засадили...» [Родионов 2006, т. 2: 206]. Впрочем, движение по вертикали обратимо, углубление компенсируется возвышением: «...сидели они вместе с Кривошеком на верху башни на двадцатом ее венце. Они каждый день ее поднимали, ряд за рядом, и она поднимала их, возносила...» [Родионов 2006, т. 2: 211]. Вот почему помимо персонажей, желающих сбежать из острога, есть такие, для которых это пространство становится родным: «Кривошек, будто забывшись, что робит исподволь, делал свое дело аккуратно <...>. Рубил – будто себе избу ставил» [Родионов 2006, т. 2: 211]; «– Прикипел я к этой крепости, будь она не ладна...» [Родионов 2006, т. 2: 212]. Характерная для семантики острога амбивалентность, компенсация физической неволи свободой творческой самореализации найдет дальнейшее подкрепление в бийских эпизодах романа Л. Е. Улицкой «Лестница Якова».

Бийск середины 1934–1937 гг. описан в письмах Якова Осецкого, героя романа Л. Е. Улицкой. Персонаж, как и его прототип,

дед писательницы Яков Самойлович Улицкий, оказался в городе из-за ссылки. В Новосибирске ссыльному предложили несколько городов, он «наугад» выбрал Бийск, который сначала описывает объективно, как ученый: «город небольшой, река Бия, холодная многоводная сибирская река. Вероятно, культурных людей мало. <...> Город равнинный, но очень близко высокие алтайские горы, куда туристы и едут. Но самый Бийский район не горный, а равнинный...» [Улицкая 2019: 535–536].

Являясь своего рода «внесистемным» человеком, Яков смотрит на провинциальный город извне, вынося о нем суждения и оценки. Так, посещение вечеринки удосуживается следующего комментария: «Провинциальное веселье весьма ограничено. Масса дурного вина и еды, и шум как суррогат веселья. Чем громче, тем веселее. <...> Тут я чувствую себя провалившимся в какой-то средней руки русский роман девятнадцатого века. Это русская провинция – как будто ничего не меняется со времен Островского¹...» [Улицкая 2019: 549–550]. «Провинциальный мещанский городок с его затхлым бытом», бессобытийным циклическим временем [Бахтин 1975: 325] служит контрастом наполненной смыслом и целесообразностью интеллектуальной жизни героя. «Острое чувство интеллектуального вакуума» в невежественной глуши, как правило, сопровождает сюжет о пребывании столичного жителя в провинции [Лурье 2001: 130].

Поработав тапером в танцклассе, Яков иронизирует: «...фокстротизация Бийска идет невероятным темпом. Целые учреждения от курьера до председателя записываются в танцклассы. Такие солидные люди, как председатель Маслотреста, местный прокурор и начальник местной милиции, фокстротируют! Скоро, вероятно, дойдет речь и до банка. Солидные люди прячут свое смущение за ширму коллективности: весь коллектив

танцует, неудобно отставать» [Улицкая 2019: 549]. Данный пассаж напоминает известные эпизоды романа М. М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: безудержный фокстрот под «Аллилуйя» В. Юманса в Доме Грибоедова и коллективное безумие, которое охватило сотрудников Варьете и проявлялось в неконтролируемом хоровом пении. В 1932–1941 гг. массовый танец и песня выступали как «выражение счастливой жизни в стране победившего социализма»² [Алякринская 2012: 27]. Как видим, массовая культура Бийска, вопреки сложившемуся стереотипу об отставании провинции от столицы³, идет в ногу со временем. Но и такой Бийск выступает контрастом музыкальным интересам героя, не зависящим от веяний моды.

Самодостаточность Якова Осецкого при любых внешних обстоятельствах, связанная с умственным характером его труда, работой с книгами, музыкальными занятиями, позволяет ему написать: «Я сейчас живу идеально» [Улицкая 2019: 553]. В Бийске «шло накопление» интеллектуальных сил [Улицкая 2019: 569], здесь Яков, в московской жизни отдалившийся было от музыки, с которой был связан с детства, к ней «снова приблизился» [Улицкая 2019: 570] – начал писать трехтомный учебник по мировой музыкальной культуре. На Алтае Яков чудесным образом «вылечился от зуда» – кожной экземы, периодически поражающей его на протяжении 20 лет: «Зуда нет. Сплю как младенец» [Улицкая 2019: 558]. Единственное, что способно подкосить героя и превратить райское существование в подобие ада – разлука с женой: «...само твое присутствие около меня – лучшее лекарство, которое освобождает меня от этой болезни. И не в физиологическом смысле, а в более возвышенном!» [Улицкая 2019: 558].

История взаимоотношений Якова с женой строится как челночное движение: вместе – порознь. Разлука – время учебы Маруси в Мо-

¹Творчество А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского, А. П. Чехова вслед за «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя является основой канона изображения провинции в художественной литературе и публицистике [Казари 2000: 164–168; Лурье 2001: 139–140; Строганова 2000: 200–203].

²Примечательно, что фокстрот, требовавший соответствующей экипировки, в первую очередь был танцем новой управленческой элиты, атрибутом ресторанной, парковой, курортной субкультуры. В связи с фокстротом наблюдалось «характерное для сталинского времени явление культуры – ситуация „двойной жизни“. Официально фокстрот не пропагандировался... <...> Вместе с тем в неофициальной культуре фокстрот был модным и востребованным танцем», «абсолютным чемпионом танцплощадок» [Алякринская 2012: 28].

³В России «движение в направлении столица → глубинка фактически означало путешествие во времени», из настоящего в прошлое [Зайонц 2004: 427].

скве (1911), служба Якова вольноопределяющимся (1912–1913), в военном оркестре (1916), каникулы Марии с сыном в Крыму (1925), ссылка Якова в Сталинград (1931–1933), в Бийск (1934–1937), развод и работа на руднике, наконец, Абезьский лагерь для инвалидов. Каждое отпадение от главного человека в жизни Якова – Марии, происходит все более болезненно, увеличивается расстояние между супругами, срок разлуки, вместе с тем ослабляется и привязанность Марии к мужу. Путь Якова подобен спуску Данте по кругам ада¹.

Именно в Бийске происходит окончательный разрыв. Мария почти не пишет, заводит роман, подает на развод. Яков еще не знает о произошедшем, но остро ощущает одиночество: «Такое чувство затерянности в сибирских просторах и сознание полной беспомощности. К тому же вернулась моя шелудивая подруга экзема. Мне кажется, она вернулась от моей тоски твоим прикосновениям...» [Улицкая 2019: 555]. Тем самым, Бийск – один из кругов ада, что соответствует сложившейся в культуре мифопоэтике Сибири [Лотман 1997: 723–724; Тюпа 2002]. Впрочем, ретроспективно, в последнем лагере около полярного круга Бийск вновь начинает осознаваться Яковым как рай: «Второй год, с тех пор как левая нога отказала и ходить он мог только с костылем, он жил в Абези. Лагерь был худшим из всех, в которых пришлось ему побывать, а годы ссылок вспоминались теперь почти как райский сад. Осмысленные, крепкие годы, овечьи надеждой, полные планов, разнообразных замыслов, работы...» [Улицкая 2019: 678]. «Райские» коннотации также являются «общим местом» пространства Сибири [Анисимов 2007], особенно Алтая.

В бийском «рае», что закономерно, происходит и «грехопадение» [Улицкая 2019: 599] – Яков впервые в жизни изменил Марии. Обострившуюся от разлуки с женой экзему приехала лечить «безумная Ася»: «Бурая жижа в бутылке, которую она везла за тридевять земель, должна была исцелить его от страданий. Это была миссия, а не обыкновенная поездка дальней родственницы к ссыльному в дека-

бристскую даль. Ах, как жаль, что не Маруся была на ее месте, ведь приезд жены обрадовал бы Якова гораздо больше!» [Улицкая 2019: 595]. Как это свойственно поэтике Л. Е. Улицкой, в эпизоде излечения больного «проказой» [Улицкая 2019: 558] (так называет экзему герой), сложным образом сплелось несколько сюжетов: об Иове, о Петре и Февронии², о жене декабриста. Бийский хронотоп тем самым метафорически отождествляется с ветхозаветной «землей Уц», что в Аравии, древнерусским Муромом и всей Сибирью XIX в. Нелюбимая, но милосердная Ася становится новой спутницей Якова по кругам ада.

Как видим, вырастающая из реальной осторожной роли ссыльная функция города может осмыслиться символически, в категориях «ада – рая». Данная оппозиция входит в парадигмы как сибирского, так и провинциального сверхтестов.

Антитеза деревне. Оппозиция «Цивилизация – Природа», столь ярко и гиперболизировано проявившая себя в связи с Бийском у В. Я. Зазубрина, снижает свой накал в ностальгическом рассказе А. П. Соболева «Тополиный снег» (1978). Здесь она предстает в типичном для советской культуры варианте: «город – деревня».

Писатель прибегает к аллюзии на эпизод соперничества жеребенка и поезда из поэмы С. А. Есенина «Сорокоуст» (1920). Аналогичное соревнование жеребенка и автобуса, в противовес претексту, решается оптимистично. Жеребенок обогнал сбавивший скорость автобус. Деревня, локус детского рая, в модели мира рассказчика бесспорно выигрывает. А город 1930-х гг., который казался ребенку «сказочным», волшебной «другой землей, другим миром» [Соболев 2012: 23], взрослым сознанием отрицается как место неподлинного бытия. Ценности провинциального Бийска весьма призрачны, что раскрывается в отдаленной перспективе: мальчик испытывал «сладкий страх», когда видел женщину-паука в балагане. Фокус, рассуждает взрослый рассказчик, строился при помощи оптического обмана посредством множества зеркал.

¹ Эта аналогия тем более уместна, что уже была употреблена А. И. Солженицыным в сходном историческом контексте. Как известно, роман «В круге первом» строится на уподоблении спецтюрьмы, где трудятся советские ученые, первому кругу ада Данте, где пребывают античные мудрецы.

² Любопытно, что в 2011 г. в Бийске поставили памятник Петру и Февронии.

Аналогичный «фокус», связанный с визуальным кодом, осуществлен в кинотеатре. Отец и мальчик впервые посмотрели озвученную картину – «Мы из Кронштадта» (1936). Потрясение от увиденного оформилось в слова отца, которые сын пронес «через всю жизнь»: «Ты, парень, запомни до гроба – нет на свете силы сильнее, чем партия большевиков! Видал, как она народ подняла?» [Соболев 2012: 22]. Для рассказчика это несомненная истина. Для современного читателя понятна сомнительность этой максимы.

В произведении советского писателя намечены контуры библейского сюжета о блудном сыне. Иллюзии, сманившие юношу с родных мест в малые и большие города, со временем рассеялись, а «отчий край», «родимые места» стали «землей обетованной» [Соболев 2012: 21], куда и возвращается рассказчик. Сначала временно – на лечение в Белокуриху, потом мысленно – в процессе текстопостроения, наконец, посмертно – А. П. Соболев похоронен в с. Смоленском под г. Бийском.

Отношение к Бийску в рассказе Соболева претерпевает изменения от положительной оценки к отрицательной: сказочный город, каким он ощущался в детстве, для взрослого становится городом иллюзий, противопоставленным подлинному раю деревни. Обратная трансформация, также связанная с оппозицией «город – деревня», осуществляется в автобиографическом цикле В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» (1968). Бийск изображен дважды: в открывающем цикл рассказе «Первое знакомство с городом» (там семья будущего писателя жила в 1940–1941 гг.) и в заключительном рассказе «Самолет» (начало учебы Василия в автотехникуме в 1945 г.). Переезд семейства в город связан с ломкой привычного уклада жизни и воспринимается десятилетним мальчиком в штыки. В первом рассказе дана реалистичная характеристика провинциального города Б.¹: «ближайший от нас, весь почти деревянный, бывший купеческий, ровный и грязный» [Шукшин 2014: 149]. Затем она сменяется психологизированной и мифологизированной картиной: «...Приехали в город затемно. Я не видел

его. Папка чудом находил дорогу: сворачивали в темные переулки, громыхали колесами по булыжнику улиц... Раза два он только спрашивал у встречных, встречные объясняли что-то на тарабарском языке: надо еще до конца Осовиахимовской, потом свернуть к Казармам, потом будет Дегтярный... <...>

– Скоро, скоро, – бодрится папка. – Еще свернем на одну улицу, потом в переулок – и дома.

<...> Страшно здесь, все чужое, можно легко заблудиться» [Шукшин 2014, т. 3: 151]. Тревоги и опасения новоселов превращают невидимый город в лабиринт, подобие потустороннего мира.

Предлагаемые этим миром ценности – электрическое освещение, игрушечный самолетик, сайка – ведут к конфликтам между мужем и женой, братом и сестрой, детьми и хозяевами дома. Истинными ценностями для подростка остаются «родимая река» и степной простор [Шукшин 2014, т. 3: 150], деревня, которую он вынужденно покинул и куда пытается вернуться. В то же время город – место реализации мечты для взрослых (устройство рабочим «на фабрику или в мастерскую каковую» для отчима, курсы портних для матери [Шукшин 2014, т. 3: 151]).

Подобная двойственность городского локуса сохраняется в последнем рассказе цикла «Самолет». С одной стороны, подчеркивается негативный опыт: «Городские ребята не любили нас, деревенских, смеялись над нами, презирали» [Шукшин 2014, т. 3: 168]. Сформированный этими конфликтами «травматический комплекс», считают исследователи, позднее обусловил противостояние города и деревни в творчестве Шукшина [Козлова 2011: 144]. С другой стороны, повторяющийся в первом и последнем рассказах образ самолета не просто создает кольцевую композицию цикла [Калашникова 2007: 116], но и подчеркивает изменения в личности повзрослевшего героя. Если игрушечный самолет ссорит брата и сестру [Шукшин 2014, т. 3: 152], то настоящий самолет выполняет не прагматическую, а символическую функцию: переносит из мира быта и фальши в мир мечты. Город

¹ Сокращенная номинация города не только позволяет его «зашифровать», но и отчасти лишает индивидуальности, подчеркивает типичность провинциального городка. См. подробнее: [Белуосов 2004: 457].

становится для повзрослевшего подростка тем, чем он был для его родителей – пространством открывающихся возможностей. Задаётся иной вектор пути, чем в первом рассказе: не из деревни в город и обратно, а из деревни в город и дальше, в иные города и страны. Не случайно в интервью 1967 г. В. М. Шукшин признавал, что с Бийска «началось мое знакомство с большой жизнью» [Шукшин 2014, т. 8: 146]. Данью признательности городу можно считать тот факт, что в 1967 г. Шукшин принял участие в создании документального фильма о Бийске «Наш город». Он снялся в главной роли – «человека, сравнивающего по личным впечатлениям старый и новый Бийск» [Муравинская 2011: 285].

Как видим, оппозиция «город – деревня» отчасти совпадает с оппозицией «столица – провинция», образуя триаду: «столица – провинциальный город – деревня», с увеличением патриархальности и стабильности, этнографической уникальности и культурной инаковости слева направо. Эта динамика может психологически переживаться субъектом как положительно («малая родина» – спасительный оплот), так и негативно (отсталость, ограниченность, оковы).

Город-медиатор. В момент возникновения Бийска главной функцией острога была оборонительная – закрыть границу. Когда военная угроза со стороны степняков исчезла, на первый план вышла иная функция города – медиативная, соединительная. Соответственно, актуальной стала иная образность. Известно высказывание Г. Н. Потанина: «Бийск – это „окно в Европу“ для Монголии» (письмо С. Ф. Ольденбургу от 12 августа 1917 г.) [Потанин 1991: 149]. Сибирский областник использует крылатую фразу, отнесенную А. С. Пушкиным в «Медном всаднике» к Петербургу, на момент основания тоже пограничному городу. Для «экстерриториальных» городов характерно употребление образов, соединяющих в себе идею «замкнутости / разомкнутости»: окно, дверь, ворота¹. Например, Челябинск – «окно в Азию» [Милюкова 2000] и «ворота в Сибирь». Тот же статус оспаривают Екатеринбург и Тюмень: «Хоть и говорят, что Екатеринбург – ворота в Сибирь,

но по всей справедливости это название заслуживает Тюмень» [Телешов 1897: 77–78]. Интересно, что в реплике Потанина вектор пути обратный сложившемуся: не из европейской России в азиатскую Сибирь, а из Монголии в Европу. Былой агрессивной, захватнической стратегии государства противопоставлена новая, дружески-посредническая.

То обстоятельство, что Бийск стоит в начале Чуйского тракта, обуславливает композиционную роль бийского локуса в художественном тексте: он открывает и / или завершает сюжет, основанный на хронотопе дороги. Так, Бийск появляется в первой главе путевых очерков В. Я. Шишкова «По Чуйскому тракту». В рассказе К. Г. Паустовского «Правая рука» (1943), при мифопоэтическом его прочтении, Бийск оказывается своего рода границей между миром живых и мертвых. В начале рассказа именно из Бийска герой попадает в Белокуриху, наделенную признаками раеподобного пространства. В конце рассказа герой уходит пешком в Бийск на железную дорогу, чтобы окончательно «ожить» [Куяпин 2019а]. Бийском начинается и заканчивается рассказ М. И. Веллера «Конь на один перегон» (1983). Кольцевая композиция как бы затягивает лассо-удавку на шею неликвидного коня и его «двойника» – перегонщика [Веллер 2012].

Наконец, в биографии авторов и их героев Бийск «есть рубеж», своего рода ворота в жизнь, он «встречает и провожает людей», «учит их профессии», «учит быть человеком», – говорил В. М. Шукшин [Шукшин 2014, т. 8: 146–149].

Завершая обзор основных образов Бийска, позволим себе процитировать Якова Осецкого / Улицкого. Бийск «как тема для экономической монографии не очень богатый. Но чем беднее тема, тем многостороннее ее можно развернуть. Она должна быть развернута до стадии исчерпания» [Улицкая 2019: 536]. Как тема для геопоэтического исследования Бийск тоже не самый продуктивный город. Мы, конечно, не ставили себе заведомо утопическую задачу исчерпать эту тему, но постарались развернуть ее как можно более разносторонне.

¹ Впрочем, многие провинциальные города мнят себя «окном в Европу» [Клубкова 2000: 27].

Литература

- Абашев, В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2000. – 404 с.
- Алякринская, М. А. Танец и идеология: фокстрот в советской культуре 1920–1930-х гг. / М. А. Алякринская // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3. – С. 24–30.
- Анисимов, К. В. Парадигматика и синтагматика «Сибирского текста» русской литературы / К. В. Анисимов // Сибирский текст в русской культуре / под ред. А. П. Казаркина, Н. В. Серебrenникова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. – Вып. 2. – С. 60–76.
- Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
- Белоусов, А. Ф. Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) / А. Ф. Белоусов // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 457–482.
- Веллер, М. И. Конь на один перегон / М. И. Веллер // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология : в 5 т. / под общ. ред. А. И. Куляпина. – Барнаул, 2012. – Т. 5: 1970–1980 гг. – С. 375–386.
- Гиришман, М. М. Образ художественный / М. М. Гиришман, А. В. Домашенко // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 149–151.
- Дегтярев, Д. С. Город Бийск глазами ученых и путешественников XIX – начала XX вв. / Д. С. Дегтярев // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 24–28.
- Зазубрин, В. Я. Горы : роман / В. Я. Зазубрин // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология : в 5 т. / под общ. ред. А. И. Куляпина. – Барнаул, 2012. – Т. 3: 1917–1945 гг. – С. 17–200.
- Зайонц, Л. О. Русский провинциальный «миф» (К проблеме культурной типологии) / Л. О. Зайонц // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / отв. ред. Л. О. Зайонц. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 427–256.
- Исупов, С. Ю. Крепость Бийская есть главная... / С. Ю. Исупов. – Барнаул : Азбука, 2009. – 302 с.
- Кадииков, Б. Х. Главы из истории: образование Бийска / Б. Х. Кадииков // Бийск. – 1993. – № 1. – С. 4–17.
- Казари, Р. Русский провинциальный город в литературе XIX в.: парадигма и варианты / Р. Казари // Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – М. ; СПб. : Тема, 2000. – С. 164–170.
- Калашникова, Т. А. Из детских лет Ивана Попова / Т. А. Калашникова // Творчество В. М. Шукшина : энциклопедический словарь-справочник : в 3 т. – Барнаул : АлтГУ, 2007. – Т. 3. – С. 113–116.
- Клубкова, Т. В. Русский провинциальный город и стереотипы провинциальности / Т. В. Клубкова, П. А. Клубков // Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – М. ; СПб. : Тема, 2000. – С. 20–30.
- Козлова, С. М. «Из детских лет Ивана Попова» / С. М. Козлова // Шукшинская энциклопедия. – Барнаул, 2011. – С. 143–146.
- Кривонос, В. Ш. От Марлинского до Пригова: Филологические студии / В. Ш. Кривонос. – Самара : СГПУ, 2007. – 312 с.
- Куляпин, А. И. Белокуриха / А. И. Куляпин // Литературная мифология Алтая : коллективная монография / Е. А. Худенко, А. И. Куляпин, Т. А. Богумил [и др.] ; науч. ред. Е. А. Худенко. – Барнаул, 2019а. – С. 76–81.
- Куляпин, А. И. История и миф в романе В. Зазубрина «Горы» / А. И. Куляпин // Литературная мифология Алтая : коллективная монография / Е. А. Худенко, А. И. Куляпин, Т. А. Богумил [и др.] ; науч. ред. Е. А. Худенко. – Барнаул, 2019б. – С. 107–114.
- Лавренова, О. А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX в. (геокультурный аспект) / О. А. Лавренова. – М. : Институт Наследия, 1998. – 128 с.
- Лотман, Ю. М. Символика Петербурга / Ю. М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – С. 320–334.
- Лотман, Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия / Ю. М. Лотман // О русской литературе. – СПб. : Искусство-СПб, 1997. – С. 712–729.
- Лурье, М. Л. «Весьегонск городишко пребеднейший» (Взгляд на уездный город в путевых заметках XIX века) / М. Л. Лурье // Провинция как реальность и объект осмысления / сост. А. Ф. Белоусов, М. В. Строганов. – Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 2001. – С. 124–140.
- Мароши, В. В. Использование мифопоэтического ресурса в современной региональной прозе: охота за Сорни-Най / В. В. Мароши // Литература Урала: история и современность : сборник статей. – Екатеринбург : Союз писателей, 2007. – Вып. 3, т. 2. – С. 266–278.
- Марьин, Д. В. Несобственно-художественное творчество В. М. Шукшина / Д. В. Марьин. – Барнаул : АлтГУ, 2015. – 389 с.
- Милюкова, Е. В. Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы / Е. В. Милюкова // Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – М. ; СПб. : Тема, 2000. – С. 347–361.
- Муравинская, Л. И. Бийск / Л. И. Муравинская // Творчество В. М. Шукшина : энциклопедический словарь-справочник : в 3 т. – Барнаул : АлтГУ, 2007. – Т. 3. – С. 284–285.
- Пильщиков, И. От редакторов / И. Пильщиков, Н. Поселягин, М. Трунин // Семиотика города : материалы Третьих Лотмановских дней в Таллинском университете (3–5 июня 2011 г.) / ред.-сост. И. А. Пильщиков. – Таллин, 2014. – С. 2–26.
- Потанин, Г. Н. Письма Г. Н. Потанина : в 5 т. / Г. Н. Потанин ; гл. ред. Ю. П. Козлов. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1991. – Т. 5. – 272 с.
- Пушкин, А. С. Медный всадник / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 10 т.. – М. ; Л. : АН СССР, 1949. – Т. 4. – С. 375–396.

- Родионов, А. М. Князь-раб : исторический роман : в 2 т. / А. М. Родионов. – Новосибирск : Сова, 2006.
- Старцев, А. В. Е. П. Клевакин. Очерки о бийской жизни / А. В. Старцев // Культурное наследие Сибири. – Барнаул, 1994. – С. 114–127.
- Строганова, Е. Н. «Миниатюрный мир» провинции в русской прозе 1830-х – первой половины 1840-х гг. / Е. Н. Строганова // Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. – М. ; СПб. : Тема, 2000. – С. 196–205.
- Телешов, Н. Д. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири / Н. Д. Телешов. – М. : Типография И. Д. Сытина, 1897. – 215 с.
- Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.
- Тюпа, В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.
- Улицкая, Л. Е. Лестница Якова : роман / Л. Е. Улицкая. – М. : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2019. – 732 с.
- Шишков, В. Я. Чуйские были / В. Я. Шишков. – Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1986. – 496 с.
- Шукшин, В. М. Вопросы самому себе / В. М. Шукшин. – М. : Молодая гвардия, 1981. – 255 с.
- Шукшин, В. М. Собрание сочинений : в 9 т. / В. М. Шукшин. – Барнаул : Барнаул, 2014. – Т. 3, Т. 8.
- Эртнер, Е. Н. Геокультурный подход к исследованию пространственной образности русской литературы / Е. Н. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 6–12.

References

- Abashev, V. V. (2000). *Perm' kak tekst: Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as a text: Perm in the Russian culture and literature of the 20th century]. Perm, Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 404 p.
- Alyakrinskaya, M. A. (2012). Tanets i ideologiya: fokstrot v sovetskoi kul'ture 1920–1930-kh gg. [Dance and ideology: Foxtrot in the Soviet culture of the 1920s–1930s]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 3, pp. 24–30.
- Anisimov, K. V. (2007). Paradigmatika i sintagmatika «Sibirskogo teksta» russkoi literatury [Paradigmatics and syntagmatics of the “Siberian text” of Russian literature]. In Kazarkin, A. P., Serebrennikov, N. V. (Eds.). *Sibirskii tekst v russkoi kul'ture*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Issue 2, pp. 60–76.
- Bakhtin, M. M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 504 p.
- Belousov, A. F. (2000). Simvolika zakholust'ya (oboznachenie rossiyskogo provintsial'nogo goroda) [Outback symbolism (designation of a Russian provincial city)]. In Zaients, L. O. (Ed.). *Geopanorama russkoi kul'tury: Provintsiya i ee lokal'nye teksty*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 457–482.
- Degtyarev, D. S. (2017). Gorod Biisk glazami uchenykh i puteshestvennikov XIX – nachala XX vv. [The city of Biysk through the eyes of scientists and travelers of the 19th – early 20th centuries]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 24–28.
- Ertner, E. N. (2011). Geokul'turnyi podkhod k issledovaniyu prostranstvennoi obraznosti russkoi literatury [Geocultural approach to the study of the spatial imagery of Russian literature]. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 6–12.
- Girshman, M. M., Domashchenko, A. V. (2008). Obraz khudozhestvennyi [Artistic image]. In Tamarchenko, N. D. (Ed.). *Poetika : slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii*. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi, Intrada, pp. 149–151.
- Isupov, S. Yu. (2009). *Krepost' Biiskaya est' glavnaya...* [Biisk fortress is the main...]. Barnaul, Azbuka. 302 p.
- Kadikov, B. Kh. (1993). Glavy iz istorii: obrazovanie Biiska [Chapters from history: The formation of Biysk]. In *Biysk*. No. 1, pp. 4–17.
- Kazari, R. (2000). Russkii provintsial'nyy gorod v literature XIX v.: paradigma i variant [Russian provincial city in the literature of the 19th century: Paradigm and options]. In Belousov, A. F., Tsivian, T. V. (Eds.). *Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'*. Moscow, Saint Petersburg, Tema, pp. 164–170.
- Kalashnikova, T. A. (2007). «Iz detskikh let Ivana Popova» [“From the childhood years of Ivan Popov”]. In *Tvorchestvo V. M. Shukshina : entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik, in 3 vols*. Barnaul, AltGU. Vol. 3, pp. 113–116.
- Klubkova, T. V., Klubkov, P. A. (2000). Russkii provintsial'nyi gorod i stereotipy provintsial'nosti [A Russian provincial city and stereotypes of provinciality]. In Belousov, A. F., Tsivian, T. V. (Eds.). *Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'*. Moscow, Saint Petersburg, Tema, pp. 20–30.
- Kozlova, S. M. (2011). «Iz detskikh let Ivana Popova» [“From the childhood years of Ivan Popov”]. In *Shukshinskaya entsiklopediya*. Barnaul, pp. 143–146.
- Krivosos, V. Sh. (2007). *Ot Marlinskogo do Prigova: Filologicheskie studii* [From Marlinsky to Prigov: Philological studies]. Samara, SGPU. 312 p.
- Kulyapin, A. I. (2019b). Belokurikha [Belokurikha]. In Khudenko, E. A., Kulyapin, A. I., Bogumil, T. A., et al. *Literaturnaya mifologiya Altaya*. Barnaul, pp. 76–81.
- Kulyapin, A. I. (2019a). Istoriya i mif v romane V. Zazubrina «Gory» [History and myth in the novel by V. Zazubrin “Mountains”]. In Khudenko, E. A., Kulyapin, A. I., Bogumil, T. A., et al. *Literaturnaya mifologiya Altaya*. Barnaul, pp. 107–114.
- Lavrenova, O. A. (1998). *Geograficheskoe prostranstvo v russkoi poezii XVIII – nachala XX v. (geokul'turnyi aspekt)* [Geographical space in the Russian poetry of the 18th – early 20th centuries (geocultural aspect)]. Moscow, Institut Naslediya. 128 p.

- Lotman, Yu. M. (2000). Simvolika Peterburga [Symbolism of Saint Petersburg]. In *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri mysl'yashchikh mirov*. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb, pp. 320–334.
- Lotman, Yu. M. (1997). Syuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletiya [The plot space of the Russian novel of the 19th century]. In *O russkoi literature*. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb, pp. 712–729.
- Lur'ye, M. L. (2001). «Ves'egonsk gorodishko prebvedneyshii» (Vzglyad na uyezdnii gorod v putevykh zametkakh XIX veka) [“Ves'yegonsk is apooorest town” (A look at a county town in the travel notes of the 19th century)]. In Belousov, A. F., Stroganov, M. V. (Comp.). *Provintsiya kak real'nost' i ob'ekt osmysleniya*. Tver, Izdatel'stvo Tverskogo gosudarstvenno-gou universiteta, pp. 124–140.
- Maroshi, V. V. (2007). Ispol'zovanie mifopoeticheskogo resursa v sovremennoi regional'noi proze: okhota za Sorni-Nai [Using mythopoietic resource in contemporary regional prose: The hunt for Sorni-Nai]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost': sbornik statei*. Ekaterinburg, Soyuz pisatelei. Iss. 3. Vol. 2, pp. 266–278.
- Mar'in, D. V. (2015). *Nesobstvenno-khudozhestvennoe tvorchestvo V. M. Shukshina* [Non-fiction works by V. M. Shukshin]. Barnaul, AltGU. 389 p.
- Milyukova, E. V. (2000). Chelyabinsk: okno v Aziyu ili kraj obratnoi perspektivy [Chelyabinsk: A window to Asia or the edge of the opposite perspective]. In Belousov, A. F., Tsivian, T.V. (Eds.). *Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'*. Moscow, Saint Petersburg, Tema, pp. 347–361.
- Muravinskaya, L. I. (2007). Biisk [Biysk]. In *Tvorchestvo V. M. Shukshina : entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik, in 3 vols*. Barnaul, AltGU. Vol. 3, pp. 284–285.
- Pil'shchikov I., Poselyagin N., Trunin M. (2014). Ot redaktorov [From the editors]. In Pil'shchikov, I. A. (Ed.). *Semiotika goroda : materialy Tret'ikh Lotmanovskikh dnei v Tallinskom universitete (3–5 iyunya 2011 g.)*. Tallin, pp. 2–26.
- Potantin, G. N. (1991). *Pis'ma G. N. Potanina : v 5 t.* [G. N. Potanin's letters. In 5 vols.] / ed. by Yu. P. Kozlov. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. Vol. 5. 272 p.
- Pushkin, A. S. (1949). Mednyi vsadnik [Bronze Horseman]. In *Polnoe sobranie sochinenii, in 10 vols*. Moscow, Leningrad, AS USSR. Vol. 4, pp. 375–396.
- Rodionov, A. M. (2006). *Knyaz'-rab : istoricheskii roman : v 2 t.* [Prince-slave: Historical novel, in 2 vols.]. Novosibirsk, Sova.
- Startsev, A. V. (1994). E. P. Klevakin. Ocherki o biiskoi zhizni [E.P. Klevakin. Essays on Biysk life]. In *Kul'turnoe nasledie Sibiri*. Barnaul, pp. 114–127.
- Shishkov, V. Ya. (1986). *Chuiskie byli* [Chuya highway's stories]. Barnaul, Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo. 496 p.
- Shukshin, V. M. (1981). *Voprosy samomu sebe* [Questions to myself]. Moscow, Molodaya gvardiya. 255 p.
- Shukshin, V. M. (2014). *Sobranie sochinenii : v 9 t.* [Collected works, in 9 vols.]. Barnaul, Barnaul. Vols. 3, 8.
- Stroganova, E. N. (2000). «Miniyatyurnyi mir» provintsii v russkoy proze 1830-th – pervoi poloviny 1840-th gg. [“The miniature world” of the province in the Russian prose of the 1830s – the first half of the 1840s]. In Belousov, A. F. Tsivian, T. V. (Eds.). *Russkaya provintsiya: mif – tekst – real'nost'*. Moscow, Saint Petersburg, Tema, pp. 196–205.
- Teleshov, N. D. (1897). *Za Ural. Iz skitanii po Zapadnoi Sibiri* [Behind the Urals. From the wanderings in Western Siberia]. Moscow, Tipografiya I. D. Sytina. 215 p.
- Toporov, V. N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Mythopoetic research]. Moscow, Progress – Kul'tura. 624 p.
- Tyupa, V. I. (2002). Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» russkoi literatury [Mythologeme of Siberia: On the issue of the “Siberian text” of Russian literature]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 1, pp. 27–35.
- Ulitskaya, L. E. (2019). *Lestnitsa Yakova* [Jacob's Ladder]. Moscow, AST, Redaktsiya Eleny Shubinoi. 732 p.
- Veller, M. I. (2012). Kor' na odin peregon [One Station horse]. In Kulyapin, A. I. (Ed.). *Obraz Altaya v russkoi literature XIX–XX vv. Antologiya, in 5 vols*. Barnaul. Vol. 5: 1970–1980, pp. 375–386.
- Zayonts, L. O. (2004). Russkii provintsial'nyi «mif» (K probleme kul'turnoi tipologii) [Russian provincial “myth” (Towards the problem of cultural typology)]. In Zayonts, L. O. (Ed.). *Geopanorama russkoi kul'tury: Provintsiya i ee lokal'nye teksty*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 427–256.
- Zazubrin, V. Ya. (2012). Gory [Mountains]. In Kulyapin, A. I. (Ed.). *Obraz Altaya v russkoi literature XIX–XX vv. Antologiya, in 5 vols*. Barnaul. Vol. 3: 1917–1945, pp. 17–200.

Данные об авторе

Богумил Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия).

Адрес: 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.
E-mail: tbogumil@mail.ru.

Author's information

Bogumil Tatiana Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia).